

И. М. Кузнецов

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ

Основная социальная проблема, провоцируемая *интенсивными* потоками мигрантов в крупные города России, в том числе и в Москву, — это мигрантофобия, вырождающаяся у принимающего (и не только русского) населения в избирательные этнофобии. На социально-психологическом уровне они проявляются в тревогах, связанных с боязнью утратить контроль над собственной локальной средой обитания и, прежде всего, средой повседневной культуры. Проблема притока мигрантов — это проблема интенсивности притока, превышающая абсорбционные возможности принимающего населения, что видно из статистических данных, описывающих миграционную ситуацию последних лет.

1. Миграционная ситуация в Москве¹

В Москве, как и других экономически и социально активно развивающихся регионах России, темпы прироста мигрантов несопоставимы с темпами прироста местного, этнически доминирующего населения.

Национальности Москвы	1989		2002	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Все население	8875	100	10382	100
Русские	7962	89,7	8808	84,8
Украинцы	253	2,8	254	2,5

Евреи	174	2,0	79	0,8
Татары	157	1,8	166	1,7
Белорусы	73	0,7	59	0,6
Армяне	44	0,5	124	1,2
Грузины	20	0,2	54	1,2
Азербайджанцы	21	0,2	96	0,9

Таблица 1.1. Национальный состав населения Москвы (1989 и 2002 гг.)

При этом количество новоприбывших представителей этнических диаспор, то есть собственно мигрантов, значительно превышает численность уроженцев Москвы соответствующих этнических групп, то есть интегрированных этнических диаспор.

Национальности Москвы	Уроженцы	Мигранты	
		Все	«Новомигранты»*
Русские	60	40	15
Татары	45	55	10
Украинцы	78**	22	
Армяне	24	76	26
Грузины	22	78	34
Азербайджанцы	14	86	50

*«Новомигранты» — часть мигрантов, прибывшая в Москву в «перестроечный» и в течение последних 19 лет (преимущественно с 1986 г. по 2004 г.).

**Уроженцы и мигранты-старожилы, исключая «новоприбывших».

Таблица 1.2. Москвичи — уроженцы и мигранты (тыс. человек)²

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2004. Т. 4, кн. 1, с. 43. Мы берем именно этот период, поскольку по нему есть детализация по национальному составу муниципальных образований Москвы, а также потому, что именно в этот период обострились социально-культурные проблемы, связанные миграционными потоками в Москву. На сегодняшний день ситуация изменилась не столько качественно, сколько количественно.

² Арутюнян Ю.В. Москвичи глазами этносоциолога. М., 2006. С. 20.

В целом, как можно судить по данным таблицы 1.1., пополнение численности титульных национальностей Закавказских республик, живущих в Москве, шло наиболее масштабно и активно: к 2002 г., в сравнении с 1989 г., численность азербайджанцев в Москве возросла в 4,8 раза, армян — в 2,8 раза, грузин — в 2,7 раза, в то время как численность русских за тот же период выросла лишь в 1,1 раза.

В связи с такими притоками, значительными не по *абсолютной доле*, а по *темпам одномоментного прироста*, начинают меняться принципы и мотивы расселения новопривыбывших на принимающих территориях. Помимо принципов дисперсного расселения, дающего наилучшие, но *долгосрочные* шансы на интеграцию (овладение языком, новыми принципами общежития, привычками повседневной жизни и досуга, формирование новых кругов общения и взаимной поддержки), начинают все больше распространяться принципы анклавного расселения, обеспечивающего быстрый, но минимальный уровень приспособления (в основном с точки зрения закона и необходимых связей через посредников), необходимый для реализации текущих экономических интересов.

В этот период наблюдается резкое снижение доли русского населения на западе, северо-западе и востоке столицы. Доля русского населения в Западном административном округе сократилась до 79,2%, в Восточном АО — до 80,5%, в Северо-Западном АО — до 82,6%. Напомним, что в среднем по Москве она составляла 84,8%. То есть удельный вес «нерусского» населения на западе столицы уже превысил пятую часть населения, на востоке — почти достиг ее.

Самыми «русскими» секторами столицы остаются Северо-Восток и Центр, где доля русского населения в целом по округу превышает средние значения по Москве, достигая 87,4% и 87,6%. На северо-востоке столицы самыми «русскими» районами стали окраинные территории (Бибирево, Отрадное, Ю. Медведково, Лосиноостровский, Лианозово), а в центре — такие районы,

как Таганка, Пресня, Хамовники. Меньше всего русских в таких микрорайонах СВАО и ЦАО, как Останкино, Марьино Роща, Ростокино и Арбат (где проживает 70,7% русских).

Исследователи, рассматривавшие более детально этническую карту Москвы, обращались не только к таким крупным ее территориям, как административные округа, но и к более мелким территориальным единицам — микрорайонам города. Они обнаружили, что на западе столицы, отличающемся самыми высокими средними показателями «нерусской» составляющей в населении — 20,8%, выделяется несколько микрорайонов, расположенных на окраине столицы, где доля «нерусских» жителей уже превышает треть населения микрорайона (Дорогомилово — 35,1%) или приближается к этому значению (Можайский — 32,3%, Раменки — 27,9%, Фили-Давыдково — 27,5%). Но в названных микрорайонах значительную роль в «нерусском» населении играют украинцы, близкие русским по своим культурным, языковым характеристикам и не вызывающие у русских москвичей раздражения.

Есть в ЗАО и такие микрорайоны, в которых при достаточно высоких уже долях «нерусских жителей» в населении, превышающих 20% (Филевский парк, Тропарево-Никулино), отмечается двух-трех кратное превышение над средними значениями удельного веса таджиков и узбеков. Совсем иная картина наблюдается на востоке Москвы, где, как уже упоминалось, доля «нерусской» составляющей в целом по округу близка к 1/5 жителей (19,5%). В ВАО можно выделить микрорайоны, где доля нерусского населения очень велика и превышает 40%, это, например, Вешняки, где удельный вес людей нерусской национальности составил уже 41,8%. Очень значительна доля нерусских жителей в таких старых московских районах, как Измайлово (35,9%), Богородское (23,5%), Перово (23,1%).

Ситуация в ВАО осложнена тем (в отличие от ЗАО), что в нерусском населении преобладают представители титульных народов Чечни, Закавказья, Средней Азии, Вьетнама, Китая,

резко отличающиеся от русских москвичей внешностью, языком, манерой поведения и прочими характеристиками. Так, для района Вешняков, где доля русских едва превышает половину населения (58,2%), характерно преобладание азербайджанцев, превосходящее средние показатели по Москве в 5 раз (соответственно 4,4% и 0,9%); узбеков, чья доля в населении микрорайона в 12 раз выше среднемосковских значений (соответственно 2,72% и 0,23%). Очень существенна и доля таджиков, превышающая средние значения по столице в 6 раз. Доля молдаван, которые внешне не столь резко, как азербайджанцы или таджики, выделяются на фоне русского населения, в Вешняках превосходит среднегородские показатели в 6 раз. Если в Дорогомилово или Можайском микрорайонах ЗАО население пополняют украинские мигранты, то в Вешняках совокупная доля только представителей народов Закавказья и Средней Азии превысила 11%. Еще более ярким примером стремительного увеличения полиэтничности населения микрорайона является Измайлово (ВАО). При доле русских, составляющей менее 23 населения (64,1%), удельный вес титульных наций Закавказья достиг 5,9%, Средней Азии — 1,3%. Но в этом микрорайоне столицы невиданными темпами увеличилось население представителей таких стран, как Китай и Вьетнам. Так, доля китайцев превышает среднемосковские показатели в 56 раз (!) (соответственно 6,77% и 0,12%), а доля вьетнамцев — в 35 раз (!) (соответственно 5,26% и 0,15%). На территории одного микрорайона столицы (Измайлово) проживает более трети (37%) всех вьетнамцев и свыше половины (58%) всех китайцев Москвы. На 100 русских, живущих в Измайлово, приходится 56 жителей других национальностей, среди которых 11 китайцев, 8 вьетнамцев, 9 представителей титульных наций Закавказья и 2 — Средней Азии. На территории все того же ВАО есть микрорайон, территория которого находится за пределами МКАД, где доля одних только таджиков составляет 13,5% (!) в населении (пгт Восточный). Всего же в этом микрорайоне совокупная

доля представителей титульных народов Закавказья и Средней Азии уже превысила 19% (!).

Помимо названных микрорайонов, на территории ВАО есть микрорайоны, где доля азербайджанцев в 2–3 раза превышает среднемосковские показатели (Новокосино, Гольяново, Богородское), доля таджиков в 2–11 раз выше среднестолличных (Новокосино, Ивановское, Гольяново, Богородское, Восточное Измайлово), доля вьетнамцев и китайцев превосходит среднегородские показатели в 2–7 раз (Метрогородок, Гольяново, Богородское, Восточное Измайлово).

Кроме ЗАО и ВАО, высокой долей нерусского населения отличается и северо-запад Москвы, где она достигает 17,4%. Особенно заметно увеличение полиэтничности населения в таких микрорайонах СЗАО, как Куркино (доля нерусского населения составляет 24,5%), Северное Тушино (24,2%), Южное Тушино (21,5%). В Куркино совокупная доля представителей титульных наций Закавказья и Средней Азии составила 11,5%, что в 3,5 раза превысило показатели по Москве в целом. Доля только узбеков в Куркино оказалась выше 4%, в то время как во всем столичном населении их доля в 18 раз меньше. Хотя северный, южный, юго-восточный и юго-западный округа столицы по своему этническому составу близки к средним значениям по столице в целом, в этих округах тоже можно выделить микрорайоны, где полиэтничность существенно превышает средние значения. Так в Черемушкинском, Ломоносовском, Обручевском микрорайонах и в Зюзино (ЮЗАО) доля нерусского населения составляет 18,2–19,0%, при этом удельные веса армян, грузин, чеченцев в 1,5 раза превышают среднестолличные показатели, а в Зюзино, например, доли таджиков и узбеков в 2,5 раза выше средних показателей по городу.

В ЮАО есть микрорайоны, где удельный вес нерусского населения 17,3–20,0%: это Северное Чертаново, Нагорный, Донской, Бирюлево Западное. Во всех этих районах отмечается превышение средних долей концентрации армянского, азербай-

байджанского, таджикского, узбекского населения в 1,5–4 раза. В Северном административном округе выделяются несколько районов, где доля нерусского населения достигла 19,3–22,9%. Это Восточное Дегунино, Левобережный и Войковский микрорайоны. В Восточном Дегунино доля азербайджанского населения в 5 с лишним раз превышает средние значения, а совокупная доля закавказских народов равна 7,7% (!), т. е. втрое выше средних цифр (2,6% по Москве в целом).

Описанная выше ситуация с темпами прироста мигрантов и особенностями их расселения в Москве порождает ряд проблем их интеграции в московское социо-культурное сообщество.

2. Альтернативы адаптации иммигрантов

Главный вопрос здесь — при каких условиях иммигранты могут стать органичной частью московского общества? Только в этом случае мы можем говорить, что имеем дело с *интеграцией* иммигрантов в принимающую среду, как в свою собственную жизненную среду дальнейшего обитания. Альтернативный вариант адаптации — *анклавизация* иммигрантов, то есть выстраивание внутри новой, но чуждой социально-культурной среды обитания своей собственной, более привычной и психологически комфортной³.

Одна из ключевых проблем интеграции иммигрантов состоит в том, чтобы избежать или хотя бы минимизировать возможность образования мигрантских анклавов, со всеми порождаемыми ими криминальными, социально-культурными и иными рисками. Логику формирования анклавов в предельно простой

³ Отождествление интеграции с ассимиляцией, а анклавизации – с сегрегацией, часто имеет место в публицистике. Эти термины, внешне сходные по смыслу, принадлежат к противоположным проблемным контекстам: интеграция и анклавизация обозначают альтернативные варианты естественного процесса вживания в новую социальную среду, ассимиляция и сегрегация как понятия сформировались в рамках дискурса о внешнем, волевым, насильственным включении данной группы в новую для нее среду или, наоборот, выдавливания какой-то группы из этой среды. По тем же причинам не стоит смешивать такие феномены как «гетто» (тоже формы сегрегации) с анклавом, как формой самоизоляции.

форме можно описать через особенности функционирования на повседневном уровне двух ключевых мифологем общественно-го сознания москвичей (хотя и не только их).

С одной стороны, это абсолютно пустая и бессмысленная в историческом, этнографическом и даже антропологическом плане мифологема «лицо кавказской национальности», сложившаяся в сфере обыденного сознания. Некое виртуальное пугало для «своих» и пожизненное клеймо для «чужих», конкретным воплощением которых в обыденном сознании могут быть все, кто отличается от столь же виртуальной «славянской внешности», включая и этнических русских. Эта воображаемая, сконструированная принимающей стороной «национальность» становится в смысловой структуре повседневности вполне реальной категорией россиян, с которой вынуждены считаться и к которой вынуждены относить себя иммигранты, ориентированные именно на *интеграцию, на растворение* в местном обществе.

С другой стороны, этнополитическая мифологема о мультикультурализме современной «продвинутой» городской среды, представляющая скорее желаемое (с точки зрения политики), нежели реальное состояние межкультурного взаимодействия в современной городской среде. Эта мифологема позволяет не замечать всей сложности и деликатности проблемы интеграции массы иммигрантов, столь необходимых для стабильного экономического роста большинства развитых стран. Виртуальный, воображаемый «мультикультурализм» социальных сред превращается в реальность посредством законодательства и практик, фактически закрепляющих приоритет прав члена группы меньшинства перед правами человека и гражданина. Таким образом мифологема, призванная элиминировать необходимость интеграции инокультурных мигрантов в принимающем сообществе, стимулирует процессы анклавизации, т.е. внутреннего, иницируемого самими мигрантами отчуждения от социума и культуры принимающей среды.

Анклавы как форма самоорганизации и жизни людей одной культуры по стандартам своей культуры внутри иной социально-культурной среды появились не вчера, и, пожалуй, как исторически, так и по масштабам, такая форма самоорганизации характерна именно для представителей Западной Европы. Во всяком случае, она активно практикуется ими со времен великих географических открытий по сей день и зарекомендовала себя как эффективное средство освоения природных и человеческих ресурсов неевропейских территорий. Для «простого советского москвича» анклавы также не были «буржуазной экзотикой». Достаточно произнести слово «лимитчик», как сразу вспоминается весь негатив, все тогдашние опасения за сохранность московской культурной среды, связанные с этим словом, хотя тогда это были не какие-то чуждые «лица кавказской национальности», а большей частью свои, родные рязанские, смоленские и т.п.

Функциональность анклава в том, что в рамках этой, по сути, буферной среды первоначальный этап вживания в новую среду, сопровождающийся неизбежным (особенно для традиционных сельских сред) отторжением чужака средой⁴, оказывается менее травматичным в психологическом, а иногда и в физическом смысле, чем в случае одиночного переселения⁵. Но это краткосрочный позитивный эффект. Долгосрочные и негативные эффекты заключаются в ослаблении мотивации к интеграции, «растворению» в принимающей среде. Мигранты, живущие компактно, гораздо дольше остаются «чужими среди своих». У них имеются многие связанные с этим состоянием проблемы выживания, вплоть до незнания бытового языка и символического контекста новой среды, неписаных правил по-

⁴ Процесс первоначального отторжения чужеродных элементов вполне естественен, сродни процессам иммунной защиты в живом организме, и свидетельствует, скорее, о мере целостности и традиционности среды, чем о болезненном состоянии ее представителей, описываемым политически конструктом «ксенофобия».

⁵ И.М. Кузнецов. Факторы адаптации мигрантов из Средней Азии в Нечерноземье // Новое в этнографии. Полевые исследования. Вып. 1. М: Наука, 1989. С. 60-64.

ведения и других важных составляющих повседневного взаимодействия.

С начала прошлого века волны массовых миграций (в основном на Американский континент) приводили к формированию анклавов, но чаще всего эти анклавы рассасывались или, по крайней мере, теряли свою рельефность, за исключением, пожалуй, анклавов мигрантов из Юго-Восточной Азии, в первую очередь китайцев. Это дало исследователям основание считать анклавы промежуточной, рано или поздно преходящей стадией приспособления мигрантов к новой среде. Сегодня ситуация иная. Во-первых, в отличие от сегодняшних, ранее изучавшиеся миграции были волнами именно *переселений*, а не временного пребывания на данной территории ради заработка, за исключением, кстати, китайских миграционных волн. Сейчас, при столь же массовых и даже еще больших по масштабу миграционных потоках, мотив временного заработка, во всяком случае для России, является преобладающим.

Современные миграционные потоки — это не столько потоки оседающих на новом месте иммигрантов, сколько *прокачка* людей разных культур через определенные, чаще всего наиболее благополучные в экономическом отношении территории, являющиеся некоей сферой коллективной *privacy* для принимающего населения. Важно понимать, что, с одной стороны, процесс *прокачки* непрерывен, он не прекращается, а, скорее, *перенаправляется* на новые территории, когда данная территория перестает быть привлекательной для мигрантов. Анклавы из специфической формы приспособления иноэтничных мигрантов к принимающей среде трансформируются в ряде случаев в *институализированную инфраструктуру по обслуживанию временных мигрантов*, которая может стать процветающим теневым коммерческим предприятием. Принимающая социокультурная среда в этом случае не просто безразлична, но становится обузой, мешающей бизнесу.

Перемещения людей разных культур осуществлялись ранее на практически «пустые» в социально-культурном плане территории, т.е. в сообщества, по европейским меркам, не имеющие целостной, исторически глубоко укоренной и более или менее единообразной культурной и социальной традиции. После того как такие же мощные потоки хлынули в Европу, важность учета этого обстоятельства стала очевидна.

Наконец, более пристальное рассмотрение исключений, например тех же устойчивых китайских мигрантских анклавов, навело на мысль о том, что, видимо, есть культуры, для представителей которых жизнь в анклаве, в некоей буферной социокультурной среде, является предельно возможной формой интеграции с принимающей средой⁶. То есть такие анклавы принципиально не интегрируемы, и проблема в том, мешают они нормальному функционированию принимающего сообщества или нет.

Внутренняя логика процесса самоорганизации иммигрантов в анклав состоит в том, что имея в виду главную цель приезда — заработок, они идут по пути наименьшего сопротивления, стремясь по возможности быстрее выстроить временную, но все же относительно привычную среду обитания. Со временем некоторые из них оседают на новом месте и становятся постоянными жителями анклава, носителями и трансляторами его традиций, главным образом потому, что принимающая среда в ином качестве их не воспринимает. Иммигранты, изначально стремящиеся интегрироваться, также со временем вытесняются в анклав, несмотря даже на самые благие намерения принимающей стороны.

При всем этом иммигранты, ориентированные на постоянное жительство, имеют очень высокий интеграционный потенциал, выраженный в хорошо согласованной системе представлений об особенностях принимающей среды и требованиях, которые она к ним предъявляет. Эта группа иммигрантов проявляет устой-

⁶ Кузнецов И.М. Адаптивность этнических культур и этнокультурные типы самоопределения личности // Советская этнография, 1988, № 1. С.15-27.

чивое стремление стать «коренными жителями» в новой среде, хотя бы во втором поколении. При этом они осознают определенное противоречие такого стремления с тем, что «в семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции и обычаи своего народа, независимо от того, где ты живешь». Ведь стремление стать «коренными москвичами» тесно связано с пониманием того, что «в Москве надо стремиться жить как все», причем это суждение тесно сцеплено в сознании иммигрантов с представлением о том, что, безусловно, «Москва — русский город, и жить здесь надо согласно русским обычаям и традициям».

Более того, именно *несогласие* с последним суждением, характерное преимущественно для временных трудовых мигрантов, напрямую связано с комплексом суждений, оправдывающих необходимость изоляции от московской среды: «В образе жизни москвичей есть особенности, с которыми азербайджанцу трудно примириться», «В Москве можно работать и зарабатывать, но нормально жить здесь постоянно невозможно», «Москвичи никогда не будут считать азербайджанцев своими». Иначе говоря, отрицание русской основы Москвы и необходимости жить здесь как все, то есть, по сути, поликультурные установки в их бытовой интерпретации, ведут к признанию неприемлемых для мигрантов особенностей в образе жизни москвичей и бесперспективности когда-либо стать здесь своими.

Именно признание этнической и культурной *определенности* Москвы как преимущественно русского города, восприятие ее не как размытого и многослойного мультикультурного мегаполиса, а как некоей специфической, скорее этнокультурной, нежели мало привычной на постсоветском пространстве гражданской целостности и общности, запускает механизм интеграции у мигрантов. И наоборот, видение Москвы как неопределенной этнокультурной мозаики, как сугубо гражданского объединения автономных индивидов — запускает процесс анклавизации.

В этом смысле, видимо, можно говорить о внутреннем, составляющем специфику данного иммиграционного потока,

факторе, влияющем на процесс интеграции/анклавизации. Выходцы из традиционной, преимущественно сельской среды⁷, привыкшие ориентироваться в своих суждениях и поступках на жесткую социальную структурированность и ценностно-нормативную целостность и определенность этой среды, могут интегрироваться только в такую же структурированность и целостность, пусть даже отличающуюся по содержанию от привычной для них. Но если иммигранты видят социальную и культурную размытость, некую мозаику вместо привычной целостности, то они в поисках необходимой устойчивой опоры стремятся воспроизвести в новой, неопределенной, с их точки зрения, среде, привычные социально-культурные стандарты, т.е. оформиться в анклав. Этому в немалой степени способствует образ мигранта — опасного чужака, формируемый СМИ, и реакция именно на этот образ запускает определенные сценарии реагирования принимающего населения на сложившуюся миграционную ситуацию.

3. Сценарии реагирования принимающего московского населения⁸

Как свидетельствуют исследования, есть ряд моментов, отличающих русское население Москвы по сравнению с другими регионами. Это, в первую очередь, высокая степень этнической консолидированности, акцентуации на своей национальной принадлежности, в целом не характерная для русских в других регионах, даже проживающих на территории так называемых титульных республик России. По данным нашего исследования, в Москве зафиксированы высокие показатели этнической консолидированности русских (порядка 78% никогда не забывают о своей принадлежности к русским). Такой высокий уро-

⁷ Большинство мигрантов, хотя и выходцы из городов, но из городов слабоурбанизированных в социально-культурном смысле этого понятия.

⁸ По материалам исследования «Российская идентичность: потенциал формирования в Москве и регионах», РГНФ, грант 07-03-00408а, рук. Л.М. Дробижева.

вень акцентуации скорее характерен для народов, находящихся или ощущающих себя в меньшинстве.

Отсюда можно сделать вывод о том, что русские москвичи, объективно составляющие подавляющее большинство населения города, в нынешней ситуации ощущают себя так, как если бы они были меньшинством.

Вопрос о том, какие же структуры самосознания москвичей оказываются травмируемыми, проясняется, если учесть два момента. Первый состоит в том, что для групп меньшинства (реального или переживаемого) характерно стремление к активной самоорганизации. В этом контексте понятными становятся и постоянно звучащие в СМИ жалобы русских на собственную неспособность к консолидации (по сравнению с другими этническими группами России), и все повышающийся спрос на объединяющую «национальную идею» и националистические лозунги охранительного толка. Объясняется также и процесс негативной консолидации русских (или, как это иногда называется, «негативной идентичности»), то есть консолидации против кого-то, что существенно отличается от «классического» национального экстремизма, утверждающего позитивное превосходство данного народа над другими.

Второй момент состоит в том, что тот или иной сценарий гражданской самоорганизации во многом определяется тем, как оцениваются взаимоотношения структур власти и населения, «простого народа». По уровню пессимизма в оценке перспектив сотрудничества с властями москвичи лидируют по сравнению с представителями других регионов. В то же время именно русские за последние 15 лет оказались в маргинальной позиции, в том смысле, что, опираясь на власть как должностную представлять интересы народа, они стремительно теряли доверие к этой власти. Вероятно, эта маргинальность привела в конце концов к тенденции к различным формам стихийной самоорганизации.

Сложившаяся в Москве ситуация, порождающая у русских «синдром этнического меньшинства», психологически пережи-

вается как ощущение утраты чувства хозяина своей «исконной» территории. Отчасти, утрата «чувства хозяина» жителями этнически мозаичных районов коренится в опасении (реальном или мнимом — это пока не важно), что власть, через которую и должна реализовываться хозяйская функция, «числится» теперь на стороне «гостей». Это явление можно назвать условно «симптомом Кондопоги», и сценарий развития этого симптома в локальную межнациональную напряженность достаточно очевиден.

Исходя из данных анализа нежелательных для проживания в Москве национальностей, можно говорить о некоей стихийной этнической категоризации, в терминах которой москвичи воспринимают этническую структуру своего города. И эта категоризация практически совпадает с той, что применяется для категоризации мигрантов. Это — «лица кавказской национальности», где перемешаны и представители народов российского Кавказа и закавказских государств, «азиаты», в состав которых включаются и турки, и таджики, и узбеки, и вьетнамцы, и китайцы, и, наконец, условные «бывшие наши», например, украинцы и евреи. Иначе говоря, «синдром этнического меньшинства», проявляемый русскими Москвы напрямую связан с интенсивным притоком в Москву инокультурных мигрантов. И уже во вторую очередь начинает срабатывать заложенная в этом синдроме логика отстраивания охранительной модели этнического самосознания.

Если реконструировать повседневный дискурс определения ситуации как конфликтной со стороны местного населения, то в упрощенном виде он сводится к следующему: фиксируется нарушение приезжими норм обычного местного права (независимо от того, прописаны ли эти нормы в юридических кодексах), которое приезжие могут либо не знать, либо заведомо пренебрегать им, ориентируясь исключительно на официальные кодексы. Раз нарушение зафиксировано и согласовано в общественном сознании, то возникает дискурс организации акций

соответствующего возмездия, восстановления справедливости, и, если власти по тем или иным причинам не поддерживают этих акций, то возникает самоорганизованная стихийная реакция, обычно называемая самосудом. Коротко говоря, именно потребность в восстановлении справедливости, не реализуемой или не могущей быть реализованной в официальном властном русле, и составляет в подавляющем большинстве случаев осознанную или нет подоплеку межкультурных, межэтнических столкновений. Не случайно, в рейтинге претензий москвичей к инонациональным приезжим первые места занимают позиции, отражающие недостаточную интегрированность мигрантов в московские правила повседневной жизни.

Так, по данным последних исследований иерархия претензий к иноэтническим приезжим в любой принимающей среде (не только русской) выглядит следующим образом.

1. Не нравится, что приезжие иной национальности ведут себя оскорбительно по отношению к местному населению — 13%.
2. Опасаются приезжих иной национальности в связи с возможным ухудшением криминальной обстановки — 13%.
3. Не нравится распространенная среди приезжих иной национальности коррупция, их стремление все решать через своих родственников, земляков, друзей и т.п. — 12%.
4. Не нравится внешний вид, манеры приезжих иной национальности — 11%.
5. Не нравится то, что приезжие иной национальности не понимают языка, на котором говорит местное население — 10%.
6. Не нравятся обычаи, культура приезжих иной национальности — 7%.
7. Не нравится, что приезжие иной национальности являются представителями другого вероисповедания — 4%.

Как видим, отторжение по признаку иной национальной или конфессиональной принадлежности — на последнем мес-

те и в незначительных долях ответивших (на уровне ошибки выборки). Первые пять позиций связаны с претензиями к той или иной мере неинтегрированности представителей инокультурных групп.

На определенном этапе роста недовольства повседневным поведением приезжих, это недовольство, то есть ослабление «чувства хозяина», пересекается с иной плоскостью локального социума, наличием в нем политизированных социально-патологических групп. Иначе говоря, нарастающее раздражение из-за фрустрированного «чувства хозяина» и нарастающий в связи с этим стихийный общественный запрос на какие-то формы самоорганизации протеста встречают предложение структур и схем общественного действия со стороны идеологизированных националистических групп. Таким образом происходит расширение социальной базы рекрутинга в националистические группировки и движения за счет граждан, имеющих в принципе интернациональные, этнически толерантные установки.

За общими цифрами, фиксирующими общий, достаточно тревожный уровень межнациональной напряженности в Москве и внешне противоречивый характер данных, скрываются разные сценарии адаптации москвичей к сложившейся в городе этносоциальной ситуации. Проведенный нами анализ способов реагирования наших респондентов — русских москвичей — на различные позиции, связанные с оценкой межнациональной ситуации в Москве, позволил выделить шесть относительно независимых сценариев адаптивного реагирования русских москвичей.

Сценарий №1.

Повышенный уровень этнической акцентуации, не связанный с ксенофобными или шовинистическими настроениями, за исключением негативного отношения к идее уравнивания в правах москвичей и иммигрантов и сомнения в равноудаленности органов власти на местах, в частности милиции, от тех или иных этнических групп. Такой сценарий имеет достаточно отчетливо выраженный локальный характер и, по сути, является адаптив-

ным к высокой этнической мозаичности места проживания (или работы): в ситуации постоянного этнического контраста людям чаще приходится вспоминать (осознавать) о своей национальной принадлежности. Такой сценарий, в принципе, не представляет какой-либо социальной опасности, однако дальнейшее его развитие может привести к повышенной готовности этих людей к рекрутингу в шовинистические сообщества.

Сценарий №2.

Один из этапов такого нежелательного развития представляет столь же районированный сценарий, в рамках которого происходит акцентуация не на солидарности со своим народом, осознании своих этнических корней (вариант некоего нормального «национализма», как в сценарии №1), а на льготах, которыми должны пользоваться русские. Для этого сценария характерно то, что национальная принадлежность осознается как социально-политический и экономический ресурс. Развитие такого сценария с большей степенью вероятности, чем в первом из описанных случаев, ведет к включению в шовинистические сообщества.

Сценарий №3.

Сценарий, в котором отчетливо реализуется синдром «потери чувства хозяина на своей территории» и реализуется скорее в обиде, нежели в прямой агрессии или неприятии иных этнических культур, в нем также не содержится акцентуации на этничности. Но этот сценарий не является районированным, то есть он характерен для части москвичей вообще, независимо от конкретного места проживания. Для людей, реализующих этот сценарий, в основном характерны претензии к другим национальностям в том, что они не уважают русских и русскую культуру, оскорбительно ведут себя по отношению к русским. Они также считают, что Москва — русский город и люди других национальностей должны с этим считаться. Единственный негативистский момент состоит в том, что они не хотят видеть людей другой национальности гражданами России. В принци-

пе, и этот сценарий нельзя считать социально опасным, по крайней мере, до тех пор, пока люди, реализующие этот сценарий, не включились в охранительные шовинистические дискурсы. В конце концов, эти люди отнюдь не агрессивно настаивают на сохранении и поддержании исторически сложившейся на русской основе культурной идентичности Москвы.

Сценарий №4.

Следующий сценарий с полным основанием может быть назван собственно «ксенофобным» или «шовинистическим». Люди, адаптировавшиеся по этому сценарию, прежде всего, категорически негативно относятся к представителям определенных национальностей, а также к национально смешанным бракам («чистота нации»), считают, что люди других национальностей нарушают русские обычаи («угроза русской культуре»). Для них высокую ценность имеет принадлежность к гражданам России, хотя выраженная акцентуация на русской этничности для них не характерна. Они против предоставления мигрантам равных прав с москвичами и в этом плане могут найти общие основания с представителями наиболее многочисленного сценария №1, представляющего собой непосредственную реакцию на миграционные перегрузки в Москве. Если учесть все сказанное выше о реакциях этих «ксенофобов» на реалии московской жизни, то как раз именно они и могут представлять прямую социальную опасность, поскольку могут составлять идейное ядро шовинистических движений и, как уже отмечалось, способствовать расширению рекрутинговой базы этих движений за счет группы № 1, с которыми у них есть общая база консолидации (урезание прав мигрантов), а эти последние, в свою очередь, могут увлечь за собой своих соседей по району из группы №2.

Сценарии №5 и №6.

Два последних сценария реализуют люди, придерживающиеся либо толерантных (№ 5), либо мультикультурных установок (№ 6). Для №5 характерна высокая межнациональная

открытость в плане совместной работы и соседства, отсутствие какой-либо значимости национальной принадлежности как своей, так и других. Для № 6 отличительным является то, что они считают Москву многонациональным городом, где каждый волен вести себя в соответствии со своими представлениями. Возможно, представители этих двух групп могут составить ядро и опору движений за толерантность, инициируемых властями, но недостаток состоит в том, что их позиция не является социально активной.